

СОДЕРЖАНИЕ

МИЛАНСКАЯ МАТРЕШКА

К ЧИТАТЕЛЮ	4
ИСКУШЕНИЕ УМА И ГЛАЗА	10
ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОЛДНИК	27
ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ КАВАЛЕРОВ	35
СИЦИЛИЙСКАЯ МОЗАИКА	50
РЕБУС-ТРЕХХВОСТКА	65
ВЕРТОГРАДЫ ДУХА	75
БАКШИШ ВОЛХВОВ	89
МУЗЕЙНАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ	100
ШТУРМ И НАТИСК	110
МИЛАНСКАЯ КОДА	118
ДЕЛА ВЕНЕЦ	126

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЖУЛЬЕТТЫ

ПРОЛОГ	134
ГЛАВА 1	139
ГЛАВА 2	142
ГЛАВА 3	146
ГЛАВА 4	150
ГЛАВА 5	156
ГЛАВА 6	160
ГЛАВА 7	165
ГЛАВА 8	170
ГЛАВА 9	174
ЭПИЛОГ	177
О ЛЮБВИ АВТОРА К ВЕРОНЕ	178

ПРИМЕЧАНИЯ	188
QR-КОДЫ	190

МИЛАНСКАЯ МАТРЕШКА

К ЧИТАТЕЛЮ

Милан большой. Это не стандартная характеристика миллионника и не описание запыленных улиц, кстати, в толпе будут в основном итальянцы. Это обрушивающееся на тебя ощущение. Верона теплая, Венеция причудливая, Пиза изящная, а Милан — большой. В Милане ты оказываешься в стране великанов. Но понимаешь это не по-гулливеровски сразу, а как Маша из сказки — с третьей попытки. Первый храм обычного размера, следующий музей огромный, но обозримый, а вот третий стул уже и придвинуть к столу не по силам. Узкие улицы, очаровательные старинные трамвайчики, малые голландцы пинакотеки действительно малы — десять на пятнадцать сантиметров. За листвой можно не увидеть леса. За зеленью, коей расплачиваются в ресторанах и бутиках, многие не видят размаха Милана. В Милане самый большой вокзал в Европе, матка вокзалов. И если бесконечность застекленных дебаркадеров можно объяснить плотным расписанием, то для кого строили мегалитические залы и лестницы? Во многих странах мечтали о сверхчеловеке, но только в Италии для него построили город. Этому гиганту в пору пришелся семиметровый бронзовый конь Леонардо да Винчи, он проходил, не сгибаясь, под сводом галереи Виктора Эммануила II.

Дуомо Милана — просторнее не сыскать, а его мраморные статуи не рассадить и по две в креслах Ла Скала —

главного оперного театра мира. Мраморных жителей Милана вместит только местный стадион — «Сан-Сиро». Пора перестать подшучивать над теми, кто решит в Ломбардии ограничиться дегустацией сыров и вина. Им не просто, формации формаджио¹ разнообразны, кависты² лживы, подагра не дремлет, но при должном усердии такой труд конечен. А осмотреть художественное наследие Милана невозможно. В Бре³ра под вечер (работает допоздна — пользуйтесь!) за бу-

фетным столиком, над ним, добывая, нависают ренессансные мраморные грации, вы шлете самоубийственное сообщение начальнику и меняете авиабилет. Есть мастера слалома, достигавшие сорок восьмого зала Уффици, но они и не останутся в Милане. Сядут в арендованное авто и умчатся осматривать Бергамо, ночуют-то они в Комо.

Старинное укрепление, для других городов — кремль, для миланцев так — замок, заботливо разделило свою коллекцию на пяток музеев. Не пытайтесь объять необъятное! Даже в Музее современного искусства притаились Канова и Строцци. Хоть одна работа Тьеполо висит в каждом частном палаццо, и его со временем откроют для публики. Здесь размах во всем. Сейф старинного банка так велик, что сейчас в нем проводят выставки. Шляпу великана спустили на воду кораблем. С трепетом лилипута я стоял перед

Бертель Торвальдсен. Памятник «Три грации» с посвящением Андреа Аппиани в буфете пинакоteki Бре³ра.

входом в этот зал через многослойную дверь с замком Sargent & Greenleaf.

Городским художником миланцы назначили Леонардо да Винчи, только он сомасштабен их городу. Чем художник занимался в Милане? Рисовал — скажем мы. Капли с его кистей долетели до Парижа, Кракова, Петербурга. Современников мастера более занимали его декорации балов, пиров и шествий. Леонардо — один из столпов фешен-индустрии и дизайна. «Один за всех!» — орали по всей Европе головорезы, заводя ключом леонардовский замок пистолета. Имя Леонардо должно примирить и соединить два потока — спешащих на мебельный салон и заказывающих билеты на «Тайную вечерю».

Милан большой, в нем найдется место и для Петра Дивина. Великие произведения вызывают закономерное, пусть и незаконное, желание украсть. Велеречивые каталоги с описанием былых побед — выставок, покупок, дарений — и сводки с полей аукционов лишь подстегивают тягу к обладанию. Путешествующее большинство довольствуется сувенирами музейных развалов и селфи на фоне шедевра. Натуры творческие вышивают предмет страсти или пишут биографию автора. Самые верные становятся музейными служителями. Я же придумал влюбленного в искусство героя — Петра Дивина. Его хобби — расследования в церквях и музеях, где уликами выступают уникальные артефакты. Автор ворует их в свои истории, а Дивин возвращает.

Когда-то любители изящных искусств возмущались художествами Брокера. «Варвар», — шептали они. «Ароматный Генрих», — как звали другие, не искушенные в искусстве, москвичи лучшего российского парфюмера, собрал огромную коллекцию. Живописная ее часть ставилась в ряд с Эрмитажем, Русским, Третьяковкой. Четвертым шло собрание Генриха Брокера. В собрании хранились

отменные картины разных периодов, но личной страстью парфюмера стала бронза. Причем он ее периодически перебирал. Лампы, канделябры, жирандоли почти всегда разборны, детали подсвечников нанизаны на единую ось. Генрих по своему вкусу составлял светильники: «Низ льежский, тулово английское XIX века, нет, ставим ренессансное, а розетки сюда пойдут русской работы»... Когда ему говорили, что это варварство, Брокер возражал: «Я коллекционер — полноправный участник культурного процесса!»

В своих детективах я жонглирую зданиями и картинами. Все они существуют и не покидали храмов и площадей, но тасует автор их по-своему. Если герой нашел в некоем музее картину, то и вы ее там обнаружите. Но история, рассказанная про эту работу, может не понравиться строгому искусствоведу. Петр Дивин не пишет историю искусства. Он покинул многотомную твердыню, огражденную авторским правом и неприступным авторитетом знато-

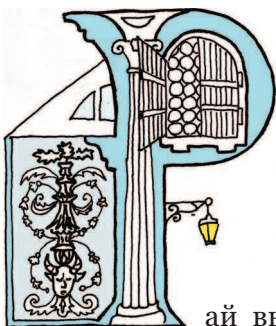
Каналы Милана.

ков. Плывет по изгибам дворцов и гравюр над зыбями стихотворений под нейтральным флагом, придумывает квесты для детей и сталкивается с антикварными айсбергами.

В каждом городе мне хочется найти уникальное место, вне топ-30, совершенно не известное публике. Приедем и горожанам, а они еще те знатоки! — местные же сами в море не купаются и по церквям не ходят, оставляя познавательную суету туристам. В Вероне такой *terra incognita* стали катакомбы — подземные коридоры Арены и потеряны фортов. А в Милане я оказался там, куда не нужно ползти или знать секретный фарватер, и был поражен красотой, по силе воздействия сравнимой с Брера и Дуомо, и отсутствием туристов. Все там будем, обычно говорят про это место, и старательно огибают. Уж лучше вы к нам! Правда, второе — еще менее удачный вариант... Мне нравится оживлять улицы и классические музеи. Это мои виньетки на полях любимых городов. Надеюсь, они украсят и ваши путешествия.

ИСКУШЕНИЕ УМА И ГЛАЗА

ай выглядел так: прохладный, полутемный палаццо, в каждой комнате которого можно уютно расположиться четырьмя-пятью способами. Фраза позаимствована у Стендаля, а он, как известно, любил Италию любовью болезненной — задыхался, падал в обморок и терял способность здраво размышлять от обилия красот. Глаз, утомленный мраморными завитками, чередой картин, многослойной вышивкой, старался ухватить что-то одно, самое необычное. Старинный горшок с краником — малахитовый с пеной сталактит ниже вмятины, неожиданной формы горлышко, голова горгоны на боку — висел на цепи над медным рукомойником. На бронзовом хоботочке блестяла капля. Значит, умельцы просверлили звенья цепи, кронштейн и превратили горшок в умывальник. Руки запоминали свое: холодные входные порталы; на стенах объемный шелк, с выстриженными гербами; шероховатость наборных столов — сдвинуть военную карту — не карта, а изрешеченная иглами флажков мишень. Щелчок — и с кованных светочей рушится

многолетний слой пыли, струится на седые вытертые ковры, словно присыпанные пеплом лучин и каминов.

Но молчать неловко... Камин? Да, из разных мест, а вот этот по рисунку бабушки. Панели? Из церквей... Нет, нет, маленьких давно закрытых церквей! Ванна? Работает, ее резали по собственному проекту бабушки. Почему посередине дома и уровень с полом? Он жил один и сделал ванную комнату рядом со своей спальней.

Мозг же хватался за прозаическое. Дверные полотна заполнены круглыми стеклянными шайбами в металлической оплетке, в центре рисунок красками на стекле потоньше. Сколько же весят такие двери? Ворох одежды, эти орнаменты на крепдешине вышли из моды в восьмидесятые⁴, на огромной резной кровати. На стене двухъярусный иконостас — настоящий иконостас с большой мадонной в окружении святых. Ниже, по бокам резного изголовья, еще один ряд святых и ближе всего к кровати — утыканный стрелами Себастьян. А на изголовье? Толпа, какие-то всадники с копьями по центру... Взятие города? Нет. Прародитель крест, придавленная крестом фигура. Как можно спать на такой кровати? Хотя, если хозяин жил один...

Как вообще можно спать, есть, читать газеты в музее? Каково это: опускаясь на стул, помнящий Леонардо, зацепиться ногой за ковер разорившегося соседа-графа и пролить вино на мраморные виды Ломбардии? Выбросить кресло времен Рисорджименто⁵, так как подвернулось ренессансное. И постоянно видеть перед собой распятия. Может быть, хозяин превращал свое жилище не в кладовую муз, а в монастырь? И для него древность произведения становилась гарантией подлинного религиозного переживания?

Книги громоздились стопками по бокам кресел, освобождая место на мраморных столешницах для бумажного хлама и россыпей карандашей. Смешно, если Сакко и

Ванцетти⁶. Затененные антиквариатом обмотанные вокруг канделябров удлинители выдавали свой третий пластик за слоновую кость. Змейки-зарядки свешивали слепые голочки, прикушенные крышками шкатулок.

— Леонардо, — буднично произнесла хозяйка, покидая комнату.

Обнаженная молодая женщина с поднятой рукой на фоне гор. Лицо прописано мягко и гладко, сбоку, от окна смотри — ни единого мельчайшего следа кисти не видно. Манерные руки и чуть увеличенные мужиковатые черты лица. Пушистые, словно взбитые, кудри висят над плечами, и за ними голубеющая даль. И сияние. Такое сияние особенно получалось у венецианцев в XV–XVI веках. Недаром все их дамы изображены златовласыми... Дивин запустил руку за раму, добрался пальцем до шершавой изнанки — холст. Возможно, это сто первая работа учеников мастера, но сам Леонардо на холсте не писал...

Рай выглядел так: круглый остров, отделенный невысоким золотым парашетом от плеска нежных кобальтовых волн. Ноги Евы мягче свежей травы, стройнее тонких стволов, светлее золотистых колонн. Над источником вздымается паутина беседки, выведенная кистями в три волоска. Шпили в шишечках — стрелки не оставляют сомнений — время готики: тройные арочки, арбутаны и нервюры на нужных метрах. Ева уточняет обнаженным изгибом — поздней готики. А мускулистый Адам вольным разворотом ставит точку — переход к Ренессансу. Ева соткана из воздуха сада, из обтекающего эфира. Ева самая живая на рисунке — она цвета выбеленного пергамента, на котором и нарисован рай. Адам смуглее — успел загореть в Эдеме, пока ждал подругу. Искуситель кажется отражением Евы, тот же нос и пробор в пушистых волосах, два яблока справа и слева, только зеркало поясное — ниже пупка амальгама завернулась вокруг дерева, расплескалась драконьими лапками, как

витая зеркала ручка. Изысканный тончайший рисунок и всего три краски. Синяя мантия Бога Отца в купе с зеленью листвы порождают волны и траву. Сияют единым пигментом волосы Евы, нимб Бога, сени, ворота, яблоки. И только архангел горит киноварью.

– Петр... Петр. Петр! — вывел Дивина из забытья голос хозяйки.

Грабарь вспоминал первые дни выставки русского искусства в США в 1924 году. Ньюйоркцы оказались излишне чопорны. Их смущали деревянные обнаженные Конёнкова. Ожидая известного американского коллекционера, скупавшего русское искусство, нарочно поставили в середине зала голову Христа. Но собиратель заметил по углам голых и сбежал. Дивина, наоборот, завлекали страницей с четырьмя обнаженными Евами. Рисунок неброский, фигурки маленькие, но подойдешь — не оторвешься. Был ли палаццо раем для любителя древностей или соблазном, искушением богатством и сноровкой старых мастеров?

Пюпитр с книгой стоял в двусветном зале. Дивин ощущал себя участником Великого посольства. Он по привычке распутывать культурные коды потянул клубочек ассоциаций. Почему возникла именно Петровская эпоха? Диковатый москвит в европейском дворце? Нет. При всей самоиронии Дивин настолько хозяевам себя не противопоставлял, скатерть от салфетки отличал и от третьего бокала в незнакомом доме отказывался. Ну, от четвертого точно! Скорее внешние приметы: потертые панели темного дерева, мебель на толстых ножках и пол... Конечно, главное — пол, выложенный черным и светло-розовым мрамором. Как на картине «Петр I допрашивает царевича Алексея». Только здесь в узоре большие и маленькие плитки, а у Ге шло жесткое чередование черных и белых квадратов — герои помещены на шахматное поле.

Следовало сменить мизансцену допроса.

– Где нам удобно будет поговорить? — хозяйка показала на кресла у стола, и Дивин выбрал венецианское с твердой подушкой. Опустилась напротив. Черное платье сливается с кованым высоким стулом, матовые шары подлокотников соответствуют огромным бусинам на груди. Может быть, это любимое кресло. Или он угадал — вели его в этот зал, и рай был приготовлен для него.

– Эта комната выше остальных помещений палаццо.

– Она построена по желанию дедушки на месте внутреннего двора.

Дедушка тут, дедушка там. Дивин уже разобрался, что в семье так называли Витторио Спада, деда мужа Изиль Спада. Как же это звучит по-итальянски — *poppo*⁷ или *veschio*⁸? Должно быть, *poppo*, *veschio* бывают мосты и ворота. Итальянский Петра ограничивался несколькими кулинарными и искусствоведческими терминами. Изиль

Музей Багатти Вальсекки.